

VIII

Пройдя портик у главного входа, мы заметили стоящего отдельно от толпы молодого человека, поразившего нас своею идеальной красотой. То был член из секты *saddu*¹, «кандидат² во святого», как выразился один из нашей компании.

Эти *saddu* отличаются от прочих сектантов. Они не ходят нагими, не покрывают тела мокрою золой, не носят отличительных знаков на лице и лбу и не поклоняются идолам. Принадлежат к строгой секте адвайты, школы Веданты³, они признают лишь Парабраму (великого духа). Одетый в довольно приличную светло-желтую кисейную рубашку без рукавов, с длинными распущенными волосами, *saddu* стоял с непокрытой головой, опершись локтем на корову с выросшею у ней из горба «пятою ногой». Это удивительное произведение природы обмахивалось своею пятою ногой, словно рукой, чеша голову копытцем и хлопая им по ней мух. Приняв сперва этот запасный член за фокус, мы очень недоверчиво смотрели как на него, так и на красивого обладателя коровы; но подойдя ближе, мы убедились, что то действительно была игра шаловливой природы, а не хитрость человека. Мы узнали от хозяина, что это животное было подарено ему магараджей Холькаром⁴ и уже два года кормило его своим молоком, единственною его пищею.

Saddu – ученики и последователи *радж-йога*⁵, обыкновенно секты ведантистов⁶ (как уже сказано выше), то есть посвященных мистиков, совершенно отрешившихся от света и ведущих целомудренную жизнь монахов; они и не отличаются каким-либо особенным костюмом, кроме белого тюрбана и длинных волос. Между *saddu* и *буни* (учеников шиваитов) существует смертельная вражда, выражающаяся с одной стороны молчаливым презрением, а с другой – неудачными со стороны *буни* попытками стереть *saddu* с лица земли. Эта неприязнь напоминает антагонизм «света и тьмы», нечто вроде дуализма Ахура-Мазды и Аримана у последователей⁷ Зороастра. На первых народ взирает как на магов, сынов солнца и божественного начала; на вторых – как на опасных колдунов. Наслышавшись о репутации первых и их «чудодейных» способностях, сгорая любопытством увидеть на деле приписываемые им (даже многими англичанами) *чудеса*, мы очень просили *saddu* навестить нас вечером в нашей вихаре. Но красивый аскет наотрез отказался под предлогом, что мы поселились во⁸ храме идолопоклонников, одна атмосфера которых действует на них неприязненно. Видя его непреклонность, мы было попробовали предложить ему денег, но он решительно от них отказался, и⁹ мы ушли.

Тропинка или, скорее, выем на почти перпендикулярной стене скалы к нашей вихаре ведет от главной пещеры вдоль обрыва в 900 футов¹⁰ глубины. Требуется¹¹ верный глаз, твердая поступь и очень крепкая голова, чтобы при малейшем неосторожном шаге не скатиться в пропасть; тут посторонняя помощь почти бесполезна, так как по этому выему (около двух футов¹² ширины) идти двум особам рядом положительно невозможно. Пришлось пробираться гуськом, призывая на помощь все имеющееся налицо присутствие духа; у некоторых же из нас этот дух находился в бессрочном отпуску. Особенно неприятно было¹³ положение нашего американского полковника, весьма полного, близорукого почти до слепоты и вследствие этого страдающего головокружением. В виде слабого утешения мы было затащили хором дуэт из *Нормы*¹⁴ «*Morige insieme*»¹⁵... и для вящей уверенности, что смерть либо минует всех, либо мы все четверо

¹ садху (*санскр.* sādhu).

² В «Московских ведомостях»: *saddu*: «Кандидат.

³ В «Московских ведомостях»: секте монотеистов школы Нанака.

⁴ Холкар (*англ.* Holkar) – маратхский клан.

⁵ В «Московских ведомостях»: *радж-йоги*.

⁶ В «Московских ведомостях»: Нанаки.

⁷ В «Московских ведомостях»: Хура-Мазды и Аримана, последователей.

⁸ В «Московских ведомостях»: в.

⁹ В «Московских ведомостях»: отказался. Видя его непреклонность.

¹⁰ 274 м.

¹¹ В «Московских ведомостях»: Требуется.

¹² 0,6 м.

¹³ В «Московских ведомостях»: неприятным явилось.

¹⁴ «Норма» – опера итальянского композитора В.Беллини (1801–1835).

¹⁵ «Умереть вместе» (*ит.*).

«умрем¹⁶ вместе», крепко держали друг друга за руки – гуськом¹⁷; однако, полковник нас заставил-таки сильно перетрусить за него. Мы были уже на полдороге, как вдруг он, оступившись, зашатался, внезапно вырвал руку из моей руки и – покотился вниз... Держась все трое одною рукой за кусты и скалы, мы даже не успели поддержать его другою. Вырвавшийся у нас единомудушный крик ужаса замер с первой секунды, когда, обернувшись лицом к пропасти, мы увидели, как, наткнувшись по склону шагах в шести под нами на деревцо, он повис на нем обеими руками и ногами. К счастью, мы знали его за хорошего гимнаста, владеющего к тому же замечательным хладнокровием. Но минута была критическая: тонкий ствол мог каждую минуту сломаться и наш полковник полететь в бездну. Мы уже стали было¹⁸ кричать о помощи, как вдруг, будто выросши¹⁹ из недр горы, нам предстал таинственный *saddu* со своею короной...

Оба шли футах в двадцати²⁰ под нашими ногами по невидимым выступам скал, где, казалось, негде было укрепить и детской ноги, – шли так же беспечно и уверенно, как если бы вместо отвесной скалы они шли по широкой шоссеиной дороге. Подняв голову, *saddu* закричал висевшему над его головой полковнику держаться крепче, а нам не трогаться с места. Ласково потрепав «пятиногую» по шее, он снял с нее веревку, все время тихо напевая что-то вроде «мантры»; затем, взяв ее обеими руками за голову, направил ее в нашу сторону и, защелкав языком, спокойно сказал ей: «Чал!» (иди!). В одно мгновение, запрыгав, словно дикая коза, вверх по скалам, королева очутилась немного впереди нас, где и стала на тропинке, как вкопанная. Сам же *saddu*, по-видимому, с такою же ловкостью полез к дереву и, обмотав полковника веревкой за пояс, сперва поставил его на ноги, а затем, поднявшись выше на тропинку, одним взмахом сильной руки всталил его за собою немного бледного и потерявшего лишь свой *rince-nez*²¹, но отнюдь не присутствие духа.

Происшествие, грозившее было окончиться трагедией, заключилось комедией.

– Ну, как тут быть? – закричали мы все. – Мы вас не пустим одного далее...

Солнце уже склонялось к западу и становилось опаснее, чем когда-либо, терять время. «Через несколько минут станет темно и тогда мы все погибнем», – заметил секретарь полковника, Эдвард У***. Между тем наш *saddu*, не понимавший, по-видимому, ни слова по-английски, опутав снова шею своей короны веревкой, стоял неподвижно на повороте тропинки. Его высокая, тонкая фигура, возвышаясь над пропастью, словно висела на воздухе; одни развевающиеся по ветру длинные черные волосы заставляли помнить, что пред нами стоит живой человек, а не великолепное бронзовое изваяние. Забыв только что миновавшую опасность и наше положение, мисс Б***²², художница по призванию и страстная почитательница всего артистического, громко воскликнула: «Вы только взгляните на этот чисто греческий, величественный профиль!.. Посмотрите на позу этого человека... Как он весь отделяется на золотисто-голубом фоне неба. Это греческий Адонис²³, а не индус»... Но «Адонис» первый прервал этот восторг. Он медленно повернулся к нам, взглянув мельком не то кротко-насмешливым, не то презрительным взором на выпучившую на него глаза мисс Б***²⁴, и произнес своим тихим, певучим голосом на языке хинди:

– Маха-саиб (великий саиб, господин) не может идти далее без помощи чужих глаз; его глаза – враги саиба. Пусть саиб сядет на мою корову; она никогда не оступится...

– Чтоб я сел верхом на корову, да еще вдобавок и пятиногую? Никогда! – воскликнул бедный полковник с таким растерянным видом, что мы все покотились со смеху.

В тексте: «Mori am insieme».

В «Московских ведомостях»: *Mori am insieme*.

¹⁶ В «Московских ведомостях»: либо все четверо «умрем мы».

¹⁷ В «Московских ведомостях» слово «гуськом» отсутствует.

¹⁸ В «Московских ведомостях»: снова.

¹⁹ В «Московских ведомостях»: вырос.

²⁰ 6 м.

²¹ пенсне (англ.).

²² В «Московских ведомостях»: В***.

²³ Адонис – бог плодородия в древнефиникийской мифологии. С V в. до н.э. культ Адониса распространился в Греции, позднее в Риме. Адонис славился своей красотой: в него влюбляется богиня любви Афродита.

²⁴ В «Московских ведомостях»: В***.

– Лучше саибу сидеть на корове, нежели лежать на *читте*²⁵, – серьезно и также кротко заметил *садду*. – Зачем приближать час, который еще не пробил?

Делать было нечего и мы, наконец, уломали полковника. Осторожно и ловко посадив его на корову и посоветовав держаться покрепче за ее пятую ногу, индус повел ее на веревке вперед, а за ним поплелись и мы.

Через минуты две мы уже стояли на крытом крыльце или – по-здешнему – веранде, идущей глубоко внутрь скалы вихары, где и нашли наших вернувшихся другою тропинкой индусов. Рассказав им о происшествии, мы повернулись, ища глазами *садду*. Но он уже успел исчезнуть со своею коровою...

– Не ищите его, он ушел другою, одному ему известною дорогой, – небрежно заметил Гулаб-Синг. – В вашей благодарности он вполне уверен, а денег ваших ему не нужно. Он *садду*, а не *бун*, – добавил он с гордостью.

Мы вспомнили, что наш гордый приятель сам принадлежит к секте *садду*²⁶.

– Кто знает, – шепнул мне полковник, – быть может и правда, что о нем говорят?

В главной зале вихары, в трех стенах которой были прорыты двери в 12 меньших келий, находилось высеченное в скале в натуральный рост изображение «Б'авани» (богини Шивы). Из утробы «Деваки» струились чистые, прохладные воды горного родника, падавшие²⁷ в бассейн у ног ее. Кругом лежали кучи жертвоприношений: цветы, рис, бетель и ладон. Там было так сыро, что мы предпочли остаться ночевать на воздухе. Таким образом, мы провели эту ночь на веранде, вися, можно сказать, между небом и землей, освещаемые снизу огнями пылавших костров, зажженных слугами Гулаб-Синга на страх диким зверям²⁸, а сверху – светом полной луны. Эта обстановка, ужин в чисто восточном вкусе на полу, на разостланных коврах и на толстых банановых листьях вместо тарелок; скользкие неслышными шагами, как немые тени, босые служители в белых кисейных драпировках и красных тюрбанах; пред нами беспредельная глубь, теряющаяся в волнах лунного сияния, а за нами темные своды вековых пещер, вырытых неизвестною расой в неведомые времена и неведомо в честь какой доисторической религии, – все это переносило нас в непривычный мир, в другие далекие эпохи... Вот пред нами сидят пять представителей пяти различных народов, пяти совершенно разных²⁹ типов и в пяти разнообразных³⁰ костюмах. Все пятеро известны в этнографии под генерическим³¹ названием *индусов*, вроде того, как орлы, грифы, ястребы, коршуны и совы известны в орнитологии за «хищных», но представляют³² между собою такую же разницу. Каждый из этих пяти собеседников – раджпут, бенгалиец, мадрасец, сингалезец и махрат – потомок рас, о началах и происхождении которых европейские ученые спорят уже более полувека, не приходя³³ ровно ни к какому между собою соглашению³⁴. Несмотря ни на что, показания самих народов отвергаемы по большей части

²⁵ «Читта» – костер, на котором сожигают покойников. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

²⁶ В «Московских ведомостях»: Нанака.

«Садду Нанака» не следует смешивать с сектой сикков, последователей «гуру Нанака»: первые – ведантисты-«адвайты», последние – монотеисты. *Адвайты* признают лишь «Парабраму», *безличное* божество. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

В «Московских ведомостях» это примечание отсутствует.

²⁷ В «Московских ведомостях»: падающие.

²⁸ В «Московских ведомостях»: в честь диких зверей.

²⁹ В «Московских ведомостях»: разнящихся.

³⁰ В «Московских ведомостях»: разных.

³¹ родовым (*устар.*, *фр. générique*).

³² В «Московских ведомостях»: орлы, совы, аисты, куры и колибри известны в орнитологии за «птиц», но представляющие.

³³ В «Московских ведомостях»: не проходя.

³⁴ *Раджпутов*, например, называют «индусами» и причисляют их к арийскому племени, тогда как сами они называют себя *сурьяванза[ми]*, т.е. потомки *Сурьи* (солнца), а брамины ведут свой род от *Инду* (луны) и называются *индуванза[ми]*. (*Инду*, *Сем*, *Чандра* по-санскритски – луна). Если первые арийцы, появляющиеся в прологе всемирной истории, – брамины, т.е. тот народ, который, по решению Макса Мюллера, перевалив через Гиммалаи, покорил страну «Пяти рек», то раджпуты – не арийцы, а если арийцы, то не брамины, так как все их родословные и священные книги *Пуран* показывают, что они гораздо древнее браминов; и в таком случае племена арийские существовали в других странах света, кроме знаменитого *Оксуса* (*Oxus*), колыбели *немцев*, *прародителей ариан* <В «Московских ведомостях»: *ариян*> и *индусов*, по фантазии упомянутого ученого и его немецкой школы. «Лунная» линия начинается *Пурурвой* (по родословной, составленной полковником Тодом с рукописей «Пуран» в архивах Уйдепура), т.е. за 2200

потому только, что они не гармонируют с предвзятыми понятиями; смысл древних рукописей их перековеркан и факт отдан в жертву фикции, коль скоро последняя исходит из уст неких³⁵ излюбленных оракулов. Невежественный народ часто обвиняется в суеверии³⁶ по той лишь причине, что создает себе вымышленных идолов в мире духовном; а между тем образованный мир, мир жаждущий познаний, мир просвещенный, поступает в отношении к своим авторитетам еще глупее обвиняемого им народа. Предоставив полдюжине увенчанных лаврами ученых право извращать факты по-своему, выводить собственные заключения по личному усмотрению, он побивает камнями каждого, кто осмелится восстать против резолюции этих³⁷ якобы непогрешимых специалистов, называя его невеждой и глупцом. Вспомним, например, случай с Луи Жаколио³⁸, прожившим двадцать лет в Индии, изучившим в совершенстве язык и страну и смешанным, однако же, с грязью Максом Мюллером, чья нога никогда не была в Индии.

Самые древние народы Европы являются ребятами, еле вышедшими из пеленок, в сравнении с племенами Азии, особенно Индии. И, Боже мой, как жалки и бедны кажутся генеалогии самых старинных европейских фамилий сравнительно с генеалогией некоторых раджпутских семейств! По мнению полковника Тода, более двадцати³⁹ лет изучавшего их на месте в Раджистане, эти родословные, ведущие свои записи от 1000 до 2200 лет до Р.Х. и подтверждаемые во множестве случаев греческими писателями, являются самыми совершенными и самыми⁴⁰ безошибочными между родословными всех древних народов. После долгих и тщательных разысканий и сравнений с ними *Пуран* и разнообразных надписей на памятниках Тод пришел к заключению, что в одних⁴¹ рукописях Уйдепурского архива (ныне уже кем-то припрятанных) найдется ключ не только к истории Индии, но и ко всемирной древней истории. Вот что, между прочим, говорит он по этому поводу: «Дабы отыскать этот ключ, мы не должны следовать легковерному примеру многих археологов, незнакомых с Индией и потому воображающих, будто истории Рамы, Махабхараты, Кришны и пяти братьев Панду суть одни лишь “аллегории”. Тот, кто пожелает серьезно вникнуть в их легенды, очень скоро убедится, что эти так называемые “басни” все до одной основаны на фактах истории, доказательством чему служат потомки их героев⁴², племена, древние города и до сей поры существующие монеты. Разберем сперва надписи на колоннах *Инды-Престхы*, *Пурага*⁴³ и *Мевара*, на скалах *Джунагура*⁴⁴ в Биджоли, на *Аравули*⁴⁵ и в древних, рассеянных по всей Индии

лет до Р.Х. и гораздо позднее Икшваки (Ichswaka), прародителя сурьяван[ов]. Четвертый сын Пурурвы, Рех, стоит во главе линии лунного племени, и только в 15 колене после него является Харита, основавший «Каузику-готру» или «племя браминов». Последних раджпуты не терпят: «Дети Солнца и Рамы не имеют ничего общего с детьми Луны и Кришны», – говорят они; бенгальцы <В «Московских ведомостях»: бенгалийцы> же, по их преданиям и истории, аборигены. А мадрасцы <В «Московских ведомостях»: мадрасийцы> и сингалезцы – дравиды, которых по очереди причисляли к семитам, хамитам, арийцам и, наконец, <В «Московских ведомостях»: ариянам и, наконец, их> предали воле Божией, заключив, что, по крайней мере, сингалезцы должны быть монголы или туранского племени. Махраты – аборигены западной Индии, как бенгальцы <В «Московских ведомостях»: бенгалийцы> восточной. Но к какой группе племен принадлежат эти две народности за это не поручится ни один этнограф, кроме разве немца. – *Примечание Е.П. Блаватской.*

Сома (англ. Soma); Икшваку (санскр. ikṣvāku); «Каушика-готра» (англ. Kaushik Gotra).

³⁵ неких (устар.).

³⁶ В «Московских ведомостях»: обвиняется за свое суеверие.

³⁷ В «Московских ведомостях»: резолюций своих.

³⁸ Луи Жаколио (1837–1890) – французский ориенталист, писатель, путешественник.

«...Мы получили из Парижа полное собрание сочинений Луи Жаколио, всего 21 том. Они, главным образом, касаются Индии, ее старинных традиций, философии и религии. Этот неутомимый писатель собрал огромное количество информации из различных источников, большей частью – подлинных. В то время как мы по многим пунктам не соглашаемся с его мнениями, мы все же полностью признаем чрезвычайную ценность его тщательных переводов из индийских священных книг. Тем более что мы находим, что они во всех отношениях подкрепляют наши утверждения» (*Блаватская Е.П. Разоблаченная Изиды. Т. I. Наука. М., 2011. С. 789*).

³⁹ В «Московских ведомостях»: 20.

⁴⁰ В «Московских ведомостях»: тщательно.

⁴¹ В «Московских ведомостях» далее: этих.

⁴² В «Московских ведомостях»: служат их потомки.

⁴³ Индрапрастхи (англ. Indraprastha), Праяги (англ. Prayag).

⁴⁴ Джунагарха (англ. Junagarh).

⁴⁵ В «Московских ведомостях»: Аравулли.

Аравали (англ. Aravalli).

джаинских храмах, где⁴⁶ мы находим столько надписей на языке до сей поры нам неизвестном, языке, в сравнении с которым самые иероглифы являются игрушкой, – и только тогда мы получим право выразить наше окончательное мнение».

А между тем, профессор Макс Мюллер, который, как сказано выше, никогда и не заглядывал в Индию, судит и рядит и устанавливает для нее хронологические таблицы по собственному усмотрению. Европа, принимая его слово за слово оракула, беспрекословно подчиняется его решениям. Et c'est ainsi que s'écrit l'histoire⁴⁷... Говоря о хронологии почтенного немецкого санскритолога, не могу утерпеть, чтобы не показать (хоть бы России), на каких хрупких началах основаны все его ученые доводы и как мало мы можем придавать веры его исчислениям, когда дело идет о давности той или другой рукописи. Быть может, что в этом поверхностном описании Индии, не имеющем ни малейшей претензии на ученость, сказанное мною покажется не идущим⁴⁸ к делу; но в России, как впрочем и во всей Европе, об этом филологическом светиле судят лишь по знакам восклицания и одобрения его подобострастных последователей, а *Веды-Башии*⁴⁹, например, суами Дайананда не читают, да может никогда и не слышали об этом сочинении, что профессору Макс Мюллеру, конечно, весьма на руку. Постараюсь передать суть дела как можно короче.

В своем санскритском сочинении *Sahitya Grantha* профессор⁵⁰ Макс Мюллер, указывая, что арийское племя в Индии приобрело свои понятия о Боге постепенно и чрезвычайно медленно, желает этим доказать, что *Веды* совсем не такое древнее писание, как это утверждают некоторые из его коллег. Представив затем более или менее веские доказательства в подтверждение этой новой теории, он заключает их неопровержимым, по его мнению, фактом, указывая в *мантрах* на слово *hirannya-garbha*⁵¹, которое он переводит словом «золото», и при этом добавляет, что так как отдел *Вед*, называемый *chanda*, появился 3100 лет тому назад⁵², то отдел *мантр* не мог быть написан ранее 2900 лет. При этом он рассекает филологически и хронологически *мантру* («Agnihi Poorwebhihi» etc.), в которой он находит выражение *hirannya-garbha*, и затем торжественно уличает оное в анахронизме: «О *золоте* древние народы не имели никакого понятия (говорит он), стало быть, если в *мантре* говорится о золоте, то эта *мантра* сочинена в эпоху сравнительно современную» и проч.⁵³

Но тут именитый санскритолог сильно обрывается. Суами Дайананд доказывает, а за ним и другие ученые пандиты – и даже самые ему неприязненные – подтверждают, что Макс Мюллер совершенно не понял значения термина «*hirannya*». Первоначально оно вовсе не означало, а в соединении со словом *garbha* и теперь не означает «золота»⁵⁴ – слова современного и несуществующего на старом санскритском языке *Вед*. Таким образом, все блестящие доводы профессора так и пропадают даром; слово⁵⁵ *hirannya* в этой *мантре* должно переводить: «божественный свет», символ познания (в мистическом смысле), подобно тому, как у алхимиков «свет» назывался *сублимированным золотом*, из лучей которого они надеялись составить объективный металл. А в соединении со вторым словом – *hiranya-garbha* (буквально *светозарное чрево*) означает в *Ведах* первоначальный принцип, в утробе коего (как золото в утробе земной) покоится свет божественного познания и истины, эссенция освобожденной от греховного мира

⁴⁶ В «Московских ведомостях»: храмах. Там.

⁴⁷ И так пишется история (*фр.*) – слова французского поэта, прозаика, переводчика Жерара де Нерваля (1808–1855).

⁴⁸ В «Московских ведомостях»: нейдущим.

⁴⁹ Перевод *Вед* на язык хинди с комментариями и объяснениями. Это первый полный перевод. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Веды-Бхашьи (*англ.* Veda Bhashya).

⁵⁰ В «Московских ведомостях»: проф.

⁵¹ *Англ.* Hiranyagarbha.

⁵² *Веды* разделяются на две части: на *чанды* (стопы, стихи и проч.) и на *мантры* (молитвы, ритмические гимны и вместе с тем заклинания в их применении белою магией). – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Чханды (*англ.* chandas).

⁵³ В «Московских ведомостях»: пр.

⁵⁴ В «Московских ведомостях»: теперь не имеет этого значения (золота).

⁵⁵ В «Московских ведомостях»: даром: слово.

души⁵⁶. В *мантрах*, как и в *чандах*, постоянно следует искать двоякого смысла: 1) чисто метафизического и отвлеченного и 2) чисто физического, так как все земное или существующее на земле тесно связано с миром духовным, из которого исходит и которым снова поглощается. Например, *Индра* – бог грома, *Сурья* – бог солнца, *Уаю*⁵⁷ – бог ветра и *Агни* – бог огня; все четверо, подвластные этому первоначальному божественному принципу, исходят, по учению *мантры*, из утробы *hiranya-garbha*. В этом случае они (боги), подвластные единому принципу, суть духи или олицетворенные силы природы. Но посвященные в таинство адепты Индии весьма хорошо понимают, что вместе с этим бог *Индра*, например, просто звук, происходящий от столкновения электрических сил, или, вернее, само электричество; *Сурья* – не бог солнца, а центр огня в нашей системе – эссенция⁵⁸ того, из чего проистекают огонь, тепло, свет и т.д., то есть именно то, чего никто, даже из наших великих ученых, лавирующих между Тиндаллем⁵⁹ и Шрёпфером, не умел еще определить... Этого-то тайного смысла профессор Мюллер и не сумел доискаться, вследствие чего он и рубит сплеча, придерживаясь одной мертвой буквы. Каким же образом позволяет он себе⁶⁰ определять давность *Вед* по собственным выводам и заключениям, когда он еще так несовершенно понимает язык этого древнего писания?..

Вот сущность ответа *суами*, к которому мы и отсылаем гг. санскритологов, если они только потрудятся заглянуть в его *Rigvedādi Bhāshya Bhoomika* (книга 4, стр. 76)⁶¹.

В эту ночь все мои спутники, кроме меня, спали, как убитые. Свернувшись возле догорающих костров, они нисколько не обращали внимания ни на гул доносившихся с ярмарки тысячи голосов, ни на продолжительный, глухой, словно раскаты далекого грома, рев тигров, поднимавшийся⁶² из долины, ни даже на громкое моление пилигримов, шествие которых по узкому карнизу скалы, с которого мы чуть было не слетели днем, продолжалось взад и вперед всю ночь. Они приходили партиями по два, по три человека; иногда шли одинокие женщины. Так как им не было доступа в большую вихару, на веранде которой мы лежали, то, поворчав, они отправлялись в боковую келью, нечто вроде часовенки с изображением Деваки-Мата (богини-матери) и с наполненным водою *танком*. Подойдя к дверям, пилигрим простирался на земле, клал приношение у ног богини и затем или окунался в «святой воде очищения», или же зачерпнув рукой воды из *танка* мочил себе лоб, щеки, грудь; потом снова простирался и шел уже назад, спиной к дверям, где опять простирался, пока с последним воззванием к «мата, маха мата!» (матери, великой матери!) окончательно не исчезал в темноте. Двое слуг Гулаб-Синга с традиционными копьями и щитами из носорожьей кожи, получив приказание охранять нас от диких зверей до рассвета, сидели на ступеньке над пропастью. Не в состоянии будучи уснуть, я следила за всем окружающим с возрастающим любопытством. Не спал в ту ночь и Такур. Каждый раз как я полуоткрывала отяжелевшие от усталости веки, мне бросалась в глаза гигантская фигура нашего таинственного друга...

Поместясь по-восточному (с ногами) на одной из высеченных в скале скамеек у самой окраины веранды, он сидел неподвижно, обвив обеими руками приподнятые колена и вперив глаза в серебристую даль. Раджпут сидел так близко к краю, что малейшее неосторожное движение, казалось, должно было свергнуть его в зиявшую у ног его пропасть. Но он двигался не более стоявшей наискось от него гранитной богини Бхавани. Обливавшее все впереди его сияние месяца было так сильно, что черная тень под нависшею над ним скалой делалась еще непроницаемее, оставляя его лицо совершенно во мраке. Только вспыхивавшее⁶³ по временам яркое пламя догорающих костров, обливая темно-бронзовое лицо горячим отсветом⁶⁴, позволяло порой

⁵⁶ Об этом говорится и в статье Е.П.Блаватской «Великий Свет под спудом» (The Theosophist, 1880, т. I, №5, февраль), которая была опубликована почти в одно и то же время, что и эта глава (Московские ведомости, 1879, №329, 27 декабря, Особое прибавление).

⁵⁷ Вайю (англ. Vayu).

⁵⁸ В «Московских ведомостях»: огня на нашей планете; эссенция.

⁵⁹ В «Московских ведомостях»: Тиндалем.

Джон Тиндаль (Tyndall, 1820–1893) – английский физик, член Лондонского королевского общества (1852).

⁶⁰ В «Московских ведомостях»: позволять себе.

⁶¹ Это периодическое месячное издание, вероятно, получается в России, в С.-Петербургской академии. –

Примечание Е.П.Блаватской.

⁶² В «Московских ведомостях»: поднимающийся.

⁶³ В «Московских ведомостях»: вспыхивающее.

⁶⁴ В «Московских ведомостях»: горячею струей.

разглядеть неподвижные черты сфинксоподобного лица да как угли светящиеся такие же неподвижные глаза⁶⁵.

Что это? Спит ли он или замер? Замер, как замирают посвященные *радж-йоги*, о которых он нам рассказывал утром... О Боже мой! хоть бы заснуть!.. Вдруг громкое продолжительное шипенье, раздавшееся у самого уха как бы из-под сена, на котором мы свернулись, заставило меня внезапно вскочить с какими-то неясно определенными воспоминаниями о «кобре». Затем пробило раз, другой... То был наш американский дорожный будильник, как-то нечаянно попавший под сено. Сделалось и смешно, и стыдно за невольный испуг.

Но ни шипенье, ни громкий бой часов, ни мое быстрое движение, заставившее мисс Б***⁶⁶ сонливо приподнять голову, не пробудили Гулаб-Синга, который все также висел над пропастью, как и прежде. Прошло еще с полчаса. Несмотря на долетавший издалека гул праздника, все кругом было тихо и неподвижно; сон бежал от меня все более и более. Подул свежий предрассветный и довольно сильный ветер, разом зашелестивший листьями и вскоре закачавший кругом нас вершинами торчавших из бездны деревьев⁶⁷. Все мое внимание было теперь сосредоточено на группе трех сидевших предо мною раджпутов: на двух щитоносцах и их господине. Не знаю почему, но оно было особенно привлечено в эту минуту длинными развевавшимися по ветру волосами слуг, сидевших сбоку веранды и более защищенных от ветра, нежели их *саиб*. При взгляде⁶⁸ в его сторону мне показалось, будто вся кровь у меня застыла в жилах: висевшую возле него и крепко привязанную к колонне кисейную вуаль (*топи*)⁶⁹ хлестало со всех сторон ветром; длинные же волосы *саиба* лежали неподвижно, словно приклеенные к плечам: ни один волос не шевелился, ни малейшего движения в легких складках обвивавшей его белой кисеи; изваянная статуя не может казаться неподвижнее...

Да что ж это такое? Бред, галлюцинация или изумительная, непонятная действительность? Крепко зажмурив глаза, я было решила не глядеть долее. В эту минуту что-то захрустело в двух шагах от ступени и длинный, черный силуэт – не то собаки, не то дикой кошки – ясно очертился на светлом фоне неба. Животное стояло на краю обрыва боком и высокий, трубою, хвост то подымался, то опускался в воздухе... Оба раджпута быстро, но неслышно встали и повернули голову к Гулаб-Сингу, как бы ожидая приказаний... Да где же сам Гулаб-Синг? На месте, где за минуту до того он так неподвижно сидел, никого не оказалось; лежала лишь одна сорванная ветром *топи*... Страшный, продолжительный рев вдруг оглушил меня, заставив вскочить на ноги; рев этот, проникнув в вихару, казалось, разом пробудил уснувшее эхо и отозвался глухими раскатами вдоль всего обрыва. Господи... тигр! Не успела эта мысль еще ясно сложиться в уме моем, как захрустели деревья и словно чье-то тяжелое тело покатилося в пропасть. Все мгновенно вскочили; мушкетеры схватились за ружья и револьверы; произошла страшная суматоха...

– Что с вами? – раздался спокойный голос Гулаб-Синга со скамьи, где он снова сидел как ни в чем не бывало. – Что это вас всех испугало?

– Тигр! Ведь это был тигр? – посыпались вопросы европейцев и индусов. Мисс Б***⁷⁰ дрожала, как в лихорадке.

– Тигр или что другое, теперь это для нас очень мало значит. Что бы оно ни было, теперь оно лежит на дне пропасти, – отвечал, зевая, раджпут. – Вы, кажется, особенно встревожены? – добавил он с легкой иронией в голосе, обращаясь к истерически рыдавшей англичанке, которая, видимо, колебалась, упасть ли ей в обморок или нет.

– И почему это правительство не уничтожит всех этих ужасных зверей? – всхлипывала наша мисс, вполне веровавшая⁷¹ во всемогущество своего правительства.

– Вероятно потому, что наши *повелители* приберегают порох⁷² на нас самих, делая нам честь считать нас опаснее тигров, – отрезал Гулаб-Синг.

Чем-то грозным и вместе насмешливым звучало это слово «повелители» в устах раджпута.

⁶⁵ В «Московских ведомостях»: зрачки.

⁶⁶ В «Московских ведомостях»: В***.

⁶⁷ В «Московских ведомостях»: дерев.

⁶⁸ В «Московских ведомостях»: Взглянув.

⁶⁹ В «Московских ведомостях»: *топи* (кисейную вуаль).

⁷⁰ В «Московских ведомостях»: В***.

⁷¹ В «Московских ведомостях»: верующая.

⁷² В «Московских ведомостях»: нашим *повелителям* едва достает пороху.

– Но каким же образом вы отделались от «полосатого»? – допытывался полковник. – Разве кто стрелял?

– Огнестрельное оружие только у вас, европейцев, считается *единственным* или, по крайней мере, *самым верным способом* одолевать диких зверей. У нас, дикарей, есть и другие средства, даже более опасные⁷³, – пояснил *бабу* Нарендро⁷⁴ Дас-Сен. – Вот когда вы приедете к нам в Бенгалию, то будете иметь хороший случай познакомиться с тиграми; они приходят к нам непрошенные и днем, и ночью, даже в городах...

Начинало светать, и Гулаб-Синг предложил спуститься вниз и до первых жаров осмотреть другие пещеры и развалины крепости. В пять минут все было готово к завтраку, и в половине четвертого мы отправились другою, более покатою дорогою в долину на этот раз без особенных приключений. Только махрат, не говоря ни слова, отстал от нас и исчез.

⁷³ В «Московских ведомостях»: безопасные.

⁷⁴ В «Московских ведомостях»: Нараин.